

В Бразилию со своим пенопластом

Чем живут олимпийские дома на набережной

вне игры
АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ

Корреспондент «Коммерсантъ-bosco sport» в Рио АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ исследовал национальные дома Австрии, Германии, Дании, Катара, России и Швейцарии в Рио. Гости пытаются удивить бразильцев пластмассовым катком, арабским каллиграфическим почерком и устройством для зарядки телефонов с педальным приводом.

Блондинка-саксофонистка и разливное пиво — главные достопримечательности Австрийского олимпийского дома ФОТО IMAGO

митета (МОК) в такую же жаркую Ватемалу настоящий, большой каток с настоящим льдом. Может, поэтому в Санкт-Морице последняя Олимпиада была лишь в 1948-м?

Впрочем, бразильцев технологии швейцарского «ледоварения» явно не смущают. Ежедневно на каток приходят 5–7 тыс. человек, и внушительная очередь на вход (кстати, бесплатный) простирается по кромке лагуны Родригу-ди-Фрейташ.

Кстати, Швейцарский дом открылся еще 1 августа, а два года назад такой же их дом целый месяц принимал гостей во время чемпионата мира по футболу. В общем, это весьма раскрученная в городе поляна развлечений. А вот другим лишь предстояло завоевывать публику.

Один из таких — немецкий, отважившийся расположиться в десятке метров от Атлантического океана, на пляже Леблон. Пока я ждал на входе провоза (журналистам просто так в дома не войти, обязательно в нагрузку сначала приходится слушать экскурсионную лекцию), мимо меня пронесли две новости. Хорошую и плохую. Первая в том, что пронесли собственно пиво. Вторая, увя, в том, что пиво было бразильским, а следовательно, пивом не являлось.

Вообще, с этим домом все обстояло как-то совсем не по-немецки. Такое впечатление, что Немецкий дом с креативной вывеской «OliAle» вобрал в себя бразильскую культуру: он стилизован под хижину, открывается на два часа позже объявленного и затаривается местными напитками.

— Добро пожаловать! — на уверенном русском произнесла вице-консул посольства Германии Диана Фрохнелль и провела наконец внутрь.

Как выяснилось, она четыре года прожила в Москве. Но ни ее русский, ни мой английский нам, по сути, не пригодились. В только еще готовящемся к открытию Немецком доме мы осмотрели лишь большой телеэкран на песке, закрытый ресторан и фотовикторину, посвященную тропическому лесу. Больше смотреть было не на что. Мне стало ясно, почему томившийся рядом со мной на входе фотограф МОК, поняв, что перепугал Deutsches Haus и Danish House, сразу убежал к датчанам, не потратив на немцев ни кадра.

Вскоре и я устремился вслед за фотографом вдоль по набережной к Датскому дому, построенному в самом начале знаменитого пляжа Ипанема. «Сердце Дании» — так амбициозно называется проект. Войдя внутрь, ты сразу понимаешь, что это сердце целиком принадлежит велосипеду. Тут тебе и выставка странной веломодели, и тренажеры для зарядки (крутишь педали — и заряжаешь телефон), и велокафе с бразильским кофе (но совсем без пива, даже без бразиль-

ского), и глубокое погружение в историю родства датчанина и велосипеда.

— Даже король и его семья приехали на открытие дома на велосипедах, — гордо заявляет Бруно Фишер, пиарщик Датского дома. — Кстати, у нас одних дом на престижной Ипанеме.

— Есть еще Дом российского болельщика, — поправил я.

— Не может быть! — упал духом Бруно.

Я ткнул в электронную карту в телефоне. Господин Фишер долго вертел ее, она послушно вертелась вслед за его движениями.

— Нет, это не Ипанема, это уже Копакабана! — выдохнул он наконец, но разговора уже не получилось.

Дом российского болельщика действительно находится на стыке двух самых знаменитых пляжей Рио. Он привлекает прохожих забором из больших портретов наших олимпийцев. Наметанный глаз сразу начинает рыскать в поисках каверзы: а все ли из них допущены, не покாரала костлявая рука WADA кого-то с забора?

— А проблема действительно была, — свидетельствует Андрей Баранников, генеральный директор агентства SPN Communications, давно занимающегося организацией домов болельщиков. — Четыре раза пришлось переделывать забор: снимать одни портреты и клеить другие. Но концепцию мы решили не менять. Все-таки именно спортсмены — главный фактор притяжения для болельщиков.

— Вообще, МОК нам, конечно, удружил, — добавляет руководитель Дома болельщика Олег Румянцев. — Мы еще год назад выбрали тут место, начали все спокойно готовить, но... не тут-то было! Ситуация с возможным недопуском команды на Игры команды поломала нам весь график. Потом пришлось устанавливать олимпийские рекорды по строительству.

Впрочем, какого-то слишком уж грандиозного строительства не наблюдается. Да, выстроены спонсорский павильон в виде самолета, большая сцена с экраном для просмотра трансляций и бар с пугающим лозунгом «Без золота не уйдем!» (видимо, барменам надо готовиться к круглосуточной работе). Основную же часть территории занимает трехэтажное здание, в мирное время принадлежащее клубу «Морской охотник» для богатых молодых яхтсменов. Первый этаж отдан подсобным помещениям, третий — VIP-зоне и медицентру, ну а на втором расположилась небольшая выставка экипировки российских спортсменов. Здесь ракетка Светланы Кузнецовой, перчатки Александра Лебязяка, в которых он выиграл из соперника золото Сиднея-2000, и трико вольницы Натальи Воробьевой, по длине составляющее

четверть от майки баскетболиста Андрея Кириленко, вывешенной тут же.

По словам господина Румянцева, за все время Игр дом примет около 10 тыс. российских болельщиков. Их будут пускать свободно — по российскому паспорту. Иностранцам же можно будет пофотографироваться с расставленными внутри двухметровыми матрешками только в особые дни открытые дверей.

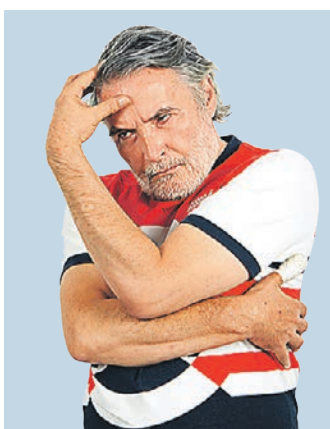
Впрочем, есть и более жесткие системы гостеприимства. Например, в роскошный особняк Катара можно попасть только по приглашению Олимпийского комитета или королевской семьи. У меня не было ни того ни другого, но зато в моих документах было имя Alexander и фамилия на букву Z. Этого оказалось достаточно, чтобы на входе меня отметили в списке как президента Олимпийского комитета России Александра Жукова и повели внутрь знакомиться с главой департамента PR и маркетинга Мохамедом Хедером аль-Саади. Затем мне выделили персонального экскурсовода Розу, с которой мне предстояло провести ближайший час — так подробно она рассказывала.

У всей этой роскоши одна главная цель: убедить общественность в том, что Катар способен достойно провести в 2022 году чемпионат мира по футболу. И знаете, общественность в моем лице в этом теперь яростно убеждена. Такого шика, помноженного на буйство ультрасовременных технологий, мне видеть еще не приходилось. Я совершил водную прогулку по Дохе, даже не надевая очки дополненной реальности. Я прикасался к зданиям на макете, после чего из них вылетали экраны с полной информацией. И я даже не отказал себе в удовольствии создать личный 3D-узор, основанный на исконных катарских орнаментах.

И когда наконец я собрался на выходные, выяснилось, что все только начинается: во внутреннем дворе особняка разбили катарский базар размером в полторы баскетбольные площадки. Тут кормят, поят (без алкоголя, естественно), фотографируют в национальных одеждах и пишут твою имя арабским каллиграфическим почерком на пергаментах на память. Казалось бы, что еще нужно для счастья? Правильно, попасть в расположенный прямо напротив Дом Австрии.

Если честно, я туда даже не собирался. Но один бродяга на Копакабана меня завел. Он выстроил из песка изумительную композицию, посвященную Австрийскому дому, а фотографировать запретил. «Донейшн», — говорит. И встает так грубо между мной и песчаным замком. А ведь российский журналист никаких «донейшенов» давать не приучен. Нам бы кто поддал, как говорится. И вот оно — случилось!

Австрийский дом оказался организован по олимпийскому фэн-шюу — у самого входа гостей встречал бар. На вопрос про пиво бармен с готовностью отчеканил: «Да, мистер, мы здесь именно для того, чтобы поить вас пивом. Хоть до утра!» Внутри трехэтажного австрийского особняка было многолюдно. Не ошибусь, если скажу, что тут за столами собралась почти вся сборная Австрии. Ребята угощались гуляшом, рулькой, не забывали про пиво и про аплодисменты яркой блондинке-саксофонистке, играющей на сцене. Я долго ждал пиарщиков, желающих загрузить меня ценной информацией о доме и его спонсорах. Но грузила меня лишь официантка — бокалами свежего пива. В благолепии я вышел на балкон и увидел, как народ откликается на неподдельное гостеприимство. Очередь к австрийцам выстроилась на весь район Ботафого, куда хватало глаз.

АНДРЕЙ ОРЛОВ (ОРЛУША)

ОЛИМП ОЭЗИЯ

ГЛАВА 2

Пляж Копакабана

Зима. Бразилец, торжествуя, Идет по пляжу в пять утра. Миноискатель, что-то чуя, Пиликает: «Бип-бип-ура!» Читатель, больше оптимизма, Ведь тут не пахнет терроризмом, А просто по Копакабана, Едва из моря солнце встанет, Идет, кто раньше солнца встал, Искать в песке чужой металл —

Алонсо. Чёрен, круглолиц: — Улов сегодня невелик... Заколка, брошка, мелочишка, Ещё какая-то фишня... — Да это ж олимпийский мишка! —

Едва не слёзы у меня При виде родины посланца, В песке нашедшего покой. Алонсо (зубы — прям для глянца)

Протёр мозолистой рукой Добычу, на ладони звесиев: — Легко возьму реалов десять! Присел. Его пять слов английских, Мой португальский после виски —

Слились легко, как водка с пивом, И потекла неторопливо Беседа шуму моря в такт. У мужиков бывает так, Что им знакомиться не надо, Тем более — Олимпиада.

Вставало солнце (наш будильник), Малец коробку-холодильник С холодным пивом подкатил. Меня хозяин угостил Холодным местным. Неплохое.

При помощи мальца его я Спросил: «Олимпиада — гуд? Как тут дела у вас идут?» Он мне в ответ: «Страна не рада.

Кругом измена и Еггадо. Еггадо тут, Еггадо тут, Да ну ее ко всем чертям. Вся эта, блин, Олимпиаду! Кому, скажите, это надо?

Вон, у соседа дом сломали, Район асфальтом закатали, А компенсаций — ни хрена! Такая жизнь кому нужна? Менты везде! Со всей страны Нагнали их. В руках винтовки! Да, эти вьуки сатаны Протесты разгоняют ловко. Они против прохожих смелы, А если сунутся в фавелы, То мы посмотрим, кто кого...» На выступление его Вокруг меня народ собрался, При этом каждый попытался Сказать, что вся Олимпиада — Сплошное, мать её, Еггадо!

Мне объяснили, что Еггадо — Когда идет не так, как надо, Или как надо, но не шибко. На русский перевод — «ошибка»,

Но слово вообще сквозь зубы, Когда ошибки слишком грубы. Я рассказал подробно очень, Что точно так же было в Сочи,

Что бедные дома ломали, Под стройку земли изымали, Плата порой за это грош, На стадион не попадешь Со среднемизерной зарплатой...

— Во всём буржуи виноваты! —

Сказал Алонсо. — Видел морды?

Им пофиг старты и рекорды, Им — что футбол, что им бильярд,

Везде утырят миллиард И украдут родную мать, Чтобы потом перепродать! Что, ради спорта на земле Они возводят стадионы? Для этих будущих Пеле?

Мальчишка маленький смущенно К нам подошёл, сжимая мяч. Послушал и помчался вскачь. К своей ватаге босоногой.

— Сфотографируй их, ей богу, Один из них лет через десять Финтами англичан побесит, Чтобы в финале главный гол, Докажет, что у нас футбол — В крови! И он растёт на пляже, Не на спортивном поле даже И точно не в продажном банке!

В ворота (две пивные банки) Влетел с десятка метров мяч... Вратарь чумазный тут же — в плач, А все ему кричать пустились: — Вставай, и в драку! Ты — бразилец!

Тут мимо нас, зевая сонно, Прошли строители фан-зоны, Алонсо крикнул им: «Бригада! Что, не достроили? Еггадо?» Они ответили не в лад, По-моему, «Иди ты в зад!»

Похоже, кстати, на фан-зоне Не хуже, чем на стадионе В день матчей будет атмосфера:

Мне рассказали для примера, Что здесь, когда идет футбол, И наши забивают гол (Понятно, «наши» — бразильянце),

То круче карнавала танцы, Тут обнимаются всерьёз. Ну, а потом — апофеоз: Дух поднимая олимпийский, Все девушки покажут сиськи, Потом сорвёт эмоций дамбы И всё забьётся в ритме самбы. И — до утра! Какой там сон! И нафиг нужен стадион, Ведь на экране видно лучше! Алонсо вдруг спросил:

«Послушай, А у России флаг какой?» Я по песку чертил рукой Полоски: красно... бело... синий...»

— Что ж, поболеем за Россию, Когда красиво колонной Твой пойдут по стадиону Во всей, как говорят, красе, Во время главного парада!

Я отвечал ему: «Не все...» — Бывает! — он сказал. — Еггадо!

(продолжение в следующем номере)

Вазари со льдом

Открытие Олимпиады на двоих с одним коктейлем

moscow view
НИКОЛАЙ ФОХТ

НИКОЛАЙ ФОХТ попытался открыть Южную Америку, не покидая Москвы, и потерпел неудачу. Вместо гостей из солнечной Бразилии и карнаваальной ночи ему досталась только про-

хладная комната с еще более прохладным соседом. Но ничто так не согревает душу московского болельщика, как победа российского спортсмена, добытая за много тысяч километров от Родины.

Первый раз за два дня моих олимпийских мытарств я радостно вскрикнул, когда Беслан Мудранов в полуфинале дернул грузина подхватом изнутри — идеальная координация работы рук и ног. В финальной схватке, которую показывали в прямом эфире, я сначала с удовлетворением отметил, что у Беслана, скорее всего, самбистская школа (попытка рычага локтя из стойки — чистые дзюдоисты редко делают этот прием), а после «золотой» подсечки в падении заорал во все горло — страшно, некрасиво.

И в крике этом была и дикая радость от первой победы, и горечь разочарования московского болельщика.

Потому что в Москве нормальному человеку болеть за сборную России невероятно тяжело.

— А вы как, будете до конца смотреть открытие или...?

— Или что?

— Ну, или... Может, вы уже домой пойдете? У нас уже все гости ушли, одни вы тут остались, — милая официантка кафе «Бразилия» смотрела на меня огромными, совершенно несонными глазами.

В посольстве Бразилии мне посоветовали именно это место: тут собирается бразильская диаспора. А мы нет, мы никаких мероприятий проводить не собираемся.

А до этого открылся Москомспорт: никаких мероприятий не будет. Может, Олимпийский комитет что-то такое устроит?

В Олимпийском комитете девушка строго сообщила, что все силы брошены на Рио, все там, в Доме болельщика. Ни о каких фан-зонах и прочих излишествах речи не

идет. И тут она произнесла фразу, сильную даже для олимпийского комитетчицы: «Может быть, организуем встречу членов сборной команды — но это в зависимости от результатов».

То есть выиграют — встретим с цветами, проигранот — сами как-нибудь, на аэроэкспрессе.

В общем, ни одной фан-зоны, ни одного местечка, в котором можно было бы организовано, под присмотром московского правительства (а значит, безопасно и с небывалым комфортом) поболеть за нашу команду, поддержать спортсменов. А мне казалось, что именно на этих Играх им как никогда нужна эта удаленная поддержка: им пригодилось бы наше московское плечо, подставленное в нужный час.

Вот я и обрадовался «Бразилии». Администратор Юлия объявила, что я первый записался: решение о трансляции принято буквально пару часов назад.

Первый в Бразилии! Предвкушал веселую ночь в шумной компании; тайно надеялся, что перекинувшись парой подзабытых фраз на бразильском португальском.

Ровно в два ночи я на Покровке. Юлия торжественно ведет меня в особую, зеркальную комнату и не менее торжественно объявляет:

— Вот. Устраивайтесь. Вы, скорее всего, будете тут один. Вообще уже первые кадры. Магасана, Губерниев, все такое. Как же так, как же один...

— Ну вот никто не хочет смотреть, все наши гости хотят танцевать. Кухня закрыта, работает только бар. Вообще-то Юлия соврала. Как только она вышла из прохладного помещения, я устремился наверх. Никто там не танцевал. И это точно были не бразильцы. Я вернулся в свое одинокое помещение.

Никогда еще открытие Олимпийских игр не было таким тяжелым. Но через полчаса дверь распахну-

лась и Юлия ввела нового гостя. Человек был явно напуган. Он спросил, почему тут никого нет.

— Ну как же, вот, — Юлия предьявила меня.

Вскоре выяснилась тайная цель нового гостя: он пришел в майке на тему Бразилии — Иисус Искупитель во всю спину. А за это полагался бесплатный коктейль кайперинья. Получив кайперинью, человек с Иисусом замолк и стал ее пить на фоне открытия. Он не ответил на мое приветствие, разговаривал лишь с Юлей, которая приходила менять ему коктейль. Мы смотрели шоу в тробовой тишине. До тех пор, пока неспящая официантка не сообщила, что лучше бы нам уйти. Я ушел, молчаливый остался — у него еще полстакана бразильской самогонки с лаймом оставалось.

Разумеется, на мое «до свидания» он промолчал. «Трудные будут игры», — подумал я. А потом Мудранов сделал вазари. И все встало на свои места.